

Глава 28. Слишком дорогая цена

Ближе к вечеру вдова Цай притащила домой пару свиных лёгких — собиралась промыть их и сварить суп.

Цзун Ванчуань, помня о предупреждении Чжоу Сяоя, решил не упускать случая. Завидев хозяйку у колодца, он подошёл ближе и под предлогом помощи завязал разговор.

— Тётушка, с чего вдруг сегодня решили суп из лёгких затеять?

— Да туман вон какой густой, — ответила вдова, проталкивая резиновый шланг в трахею. — Решила сварить, чтобы лёгкие вам подлечить, здоровье поддержать.

Она пустила воду, и Цзун Ванчуань поспешил с похвалой:

— Какая же вы умелица, тётушка.

Вдова Цай грустно усмехнулась:

— Муж мой рано преставился, оставил нас, сирот, одних. Не будь я такой хваткой, как бы я ораву эту прокормила? Как бы денег накопила Эрданю на свадьбу? Да только доля моя горькая... Стоило только голову поднять, только выдохнуть, как Эрдань... Эх, беда!

Пока она причитала, лёгкое раздулось до размеров футбольного мяча и, казалось, вот-вот лопнет. Ванчуань подхватил его и по наставлению вдовы принялся с силой трясти, вымывая всю скопившуюся внутри грязь. Вместе с водой из розовой плоти выходила мутная слизь.

Глядя на точёный профиль Цзун Ванчуаня, вдова Цай смахнула слезу:

— Был бы мой Эрдань жив, сейчас бы тоже...

— Тётушка, не убивайтесь так...

Цзун Ванчуань опустил промытый орган в таз, готовясь повторить процедуру. Вдова, тронутая его участием, невольно сравнила парня с покойным сыном, и на душе у неё стало совсем скверно.

— Сяо Цзун, а ты сам-то женат?

Ванчуань усмехнулся:

— Какой там. У меня ни дома, ни машины, ни гроша за душой. О какой женитьбе тут думать?

— Нельзя мужчине без жены! — отрезала вдова Цай. — Старики дело говорили: нет большего греха перед предками, чем не оставить после себя наследника. Ты сейчас молодой, не понимаешь, каково это — без корней остаться. А вот подрастёшь...

— Как подрасту, так и буду выход искать.

Цзун Ванчуань мельком глянул на кухню, где Чжоу Сяося деловито резала овощи.

— Тётушка, не сочтите за грубость, но если бы я выложил все свои сбережения, а в жёны получил бы такую, как ваша невестка... Знаете, я бы предпочёл до конца дней в холостяках ходить.

Вдова Цай мгновенно помрачнела. Она выдавила из себя кривую улыбку:

— Ну, это... как же...

— Не знаю, как на это смотрите вы, но мне такая жена точно не по вкусу. Слишком дорогая цена, — добавил он, вытаскивая полное воды лёгкое из таза и с силой встряхивая его, чтобы выгнать остатки жидкости. — Вот теперь чисто, можно резать.

— Спасибо тебе, Сяо Цзун.

Вдова Цай с опаской забрала субпродукты.

— С этой Сяося... всё не просто... Мы люди деревенские, бедные. Коли бабу в дом привёл — уже удача, какие тут требования. Всё равно... Эрданя больше нет. То, что она хвостом на стороне вертит — её позор, её срам. На лицо мне грязь кидает, конечно, но Эрданю на том свете уже не обидно... У-у-у...

Она снова зашлась в рыданиях. Цзун Ванчуань, глядя на её неподдельное горе, негромко произнёс:

— Тётушка, мёртвых не воротить. Сына вашего нет уже несколько лет, а невестка вон что творит. Может... подыскать ей другого мужа да выдать замуж с глаз долой? Или в родительский дом вернуть?

— Другого мужа? — в глазах вдовы промелькнул испуг. Она занервничала. — Имя Сяося на все десять деревень протухло, никто её не возьмёт! А в родительский дом... Да там одни корыстные твари живут, им только деньги подавай! Если я её верну, мои выкупные считай в трубу вылетели?!

— А выкуп был большой? — как бы между прочим полюбопытствовал Цзун.

Вдова Цай вздохнула:

— В наших краях девок мало, а парней — хоть пруд пруди. На смотринах перед одной девчонкой целый ряд женихов выстраивается. А Сяося-то вон какая видная была... Эх. Чтобы сыну эту свадьбу справить, я все сбережения за пятнадцать лет дочиста выскребла! Думала, опорой будет, а вышло — пшик... За что мне доля такая горькая...

Цзун Ванчуань сочувственно кивнул:

— Нелегко вам пришлось.

— Ещё бы! Такую прорву денег отвалить, а привезти в дом... — вдова покосилась на невестку, которая вовсю гремела сковородками. — Скажу честно: роди она мне хоть кого, мальчика ли, девочку — я бы её давно отпустила. Только бы дитя мне оставила, чтобы было ради кого жить. Но она... пустоцвет! Мало того, что не понесла, так ещё и Эрдань не остыл, а она уже по мужикам пошла! Нет уж, я лучше измором её здесь возьму, сгною в этом доме, но не дам ей с любовниками миловаться!

С этими словами вдова схватила тесак и принялась рубить свиную кость. Гулкий, тяжёлый стук «бум-бум-бум» заставил бы любого содрогнуться.

Цзун Ванчуань поспешил ретироваться в свою комнату. Там, включив музыку погромче, он принялся систематизировать известные улики.

Вдова Цай была женщиной хваткой. Всего за час на столе появился полноценный ужин. Цзун Ванчуань заметил на нём пять пар палочек.

— Тётушка, к нам сегодня гости?

— Да, ждём кое-кого, — ответила вдова, раскладывая рис. — У Старейшины Ли в доме совсем беда, в деревне люди от страха места себе не находят. Староста испугался, что всё добром не кончится, и как туман после обеда чуть рассеялся, погнал машину в посёлок — звать Великого бессмертного Ху призраков ловить... Вот-вот должны вернуться.

— Великого бессмертного? — Цзун Ванчуань строил мину наивного любопытства. — И как он выглядит? Неужто и впрямь силён? Неужели у него по три головы и по шесть рук?

— Это у Нэчжи столько рук, а у Бессмертного голова одна, да и рук пара, — отозвалась Чжоу

Сяося, бросив на Ванчуаня игривый взгляд. — Зато он видит всё наперёд и судьбу читает. Во всех окружающих деревнях его знают. Если где беда или беспокойно — зовут его.

— Духов ловит?

— Когда и духов, а чаще души призывает, фэншуй правит или обереги на дом ставит.

Вдова Цай строго посмотрела на постояльца:

— Сяо Цзун, вы люди городские, небось, смеяться станете, мол, суеверия всё это. Но у нас тут в Бессмертного каждый верит. Когда он придёт, ты уж, будь добр, помалкивай про своё неверие. Он гнева не любит.

— Тётушка, я же здесь на птичьих правах. Зачем мне хамить да лишнее болтать? Я не дурак, не хочу, чтобы вы меня на дорогу спать выставили, — отшутился Ванчуань, и обе женщины невольно рассмеялись.

В этот момент снаружи раздался настойчивый гудок автомобиля.

Самый известный шарлатан в округе, Великий бессмертный Ху, в сопровождении старосты переступил порог дома.

Ху Дасянь крайне серьёзно относился к своему имиджу. Волосы на макушке были стянуты в тугий узел величиной с кулак, на подбородке красовалась трёхдюймовая борода. Голубое даосское одеяние, местами выцветшее, придавало ему вид человека, много повидавшего. В руках он сжимал компас-лопачь, а за спиной был приторочен Меч семи звезд из персикового дерева. Он шагал сквозь туман размашисто и уверенно, всем своим видом излучая ауру просветлённого мудреца.

По крайней мере, так это выглядело бы для любого другого. Но не для Цзун Ванчуаня.

Пробудив в себе медиума ещё в утробе матери, Ванчуань за свою жизнь повидал столько проходимцев и нечисти, что видел этого Ху насквозь. Цена этому «бессмертному» была грош в базарный день. Максимум, на что он был способен — это отпеть пару заблудших душ. Против свирепого призрака вроде Ли Сяохун, обладающей мощью демона Бездны уровня Лорда, он был как ягнёнок против волка.

Впрочем, уважая местные обычаи, Цзун Ванчуань исправно подыгрывал. Когда вдова Цай принялась расписывать «великие подвиги» гостя, он только и делал, что изумлённо вскрикивал: «Неужели правда?», «Вот это да!», «Ушам своим не верю!».

Лесть чужака пришлась Ху Дасяню по вкусу. Он то и дело откладывал палочки, чтобы погладить бороду, и скромно бросал: «Пустяки, дело житейское». При этом его левая рука под столом недвусмысленно поглаживала колено Чжоу Сяоя.

Такое внимание явно не радовало женщину, но она не сопротивлялась, время от времени даже сама подливала гостю вина. Вдова Цай тоже не отставала — они со старостой обменивались сальными взглядами и всю перешучивались двусмысленными фразами.

Цзун Ванчуаню стало тошно.

Он уже собирался под каким-нибудь предлогом выйти на улицу проветриться, как вдруг в дом ворвался Старейшина Ли. Он рухнул на колени прямо перед Ху Дасянем и взвыл:

— Бессмертный, спаси! Беда у меня! Большая беда!

Все за столом тут же отложили палочки. Бессмертный Ху не спеша обернулся и, поглаживая бороду, произнёс:

— Без паники. Встань и говори толком.

— Я... я... я...

От пережитого ужаса Старейшина Ли не мог связать и двух слов — зубы его выбивали дробь. Опрокинув стакан вина, он немного пришёл в себя и, тяжело дыша, выложил всё как на духу.

— Про то, что невестка моя в двух телах явилась, вы, поди, уже слышали... Мы с Дабао не знали, кто из них дух, а кто человек, и заперли их по разным комнатам. Ждали вас, чтобы вы своим зорким глазом правду увидели... Кто ж знал, что Сяохун, дрянь такая, так жестоко поступит!

Старик сглотнул ком в горле.

— Полгода назад Сяоань ужин сварила, пошла их звать... дверь толкнула, а в комнатах — пусто! Обе избы пусты! Тут сосед прибежал, говорит, видел невестку у реки. Шла, говорит, глаза остекленелые, сама как бык прёт, два мужика удержать не могли! Мы к реке... вчетвером в воду прыгнули, едва вытащили, на берег на руках вынесли. Невестку-то спасли, а вот внук мой... внука больше нет...

Оплакивая погибшего в утробе наследника, Ли забился в истерике, колотя кулаками по полу.

— За что нашему роду такое проклятье? Что мы натворили, что такую волчицу вырастили?! Мало того, что денег в дом не несла, так теперь ещё и род Ли решила пресечь! Проклятье!

Какое же это проклятье! У-у-у!

Он снова приник к ногам шарлатана и, стиснув зубы от ненависти, прохрипел:

— Бессмертный, называй цену. Сколько хочешь, только изведи эту тварь, Ли Сяохун! Чтобы духу её здесь не было!

<http://bllate.org/book/17576/1713539>